

Мама умерла сегодня утром и впервые в жизни причинила мне боль.

Вечером, обессилив от слез, я испытываю странное чувство: не она покинула меня, а я ее бросил. Не нахожу себе места... Где она? Нуждается ли во мне?

Хочется побежать в ту неизвестность, где сейчас оказалась мама, поддержать ее, прогнать страх, обнять за плечи, подставить руку калачиком и прошептать на ухо: «Все приладится...» Наверное, она развеселится: мама всегда смеялась, когда я передразнивал жителей Шарлеруа. «Все приладится!» Мы пятьдесят шесть лет шли по жизни рука об руку и ощущали себя сильными и спокойными. Мы находились в центре вселенной, которая

организовывалась, обустроивалась на наших глазах. Мама была моим путеводным светом, она сияла, и я — в ответ, мы чувствовали себя неуязвимыми, и сумрак расступался. Я был уверен, что после жизни мы вместе приручим смерть. Разве не так должно было случиться?

Мне невыносима мысль о том, что она может умереть без меня, хотя в конечном итоге каждый покидает этот мир в одиночку...

Мама уходит — одна. «Немыслимо брать сына в подобное путешествие!» — вот что она сказала бы. Мама рассталась с жизнью, как храбрый солдат, удалилась на цыпочках, никого не потревожив. Мать остается матерью до самого конца.

Как же я мог ничего не почувствовать на рассвете, в момент ее угасания?! Нас связывали теснейшие узы, ткань бытия вибрировала в такт нашему дыханию, чувство преодолевает шестьсот километров между Лионом и Брюсселем за секунду, а моя душа не отозвалась, интуиция спала, телепатия не сработала, жар не кинулся в лицо! Я проснулся счастливым, любовался золоченой зарей и саку-

рой, обещавшей розовое чудо, и тут раздался звонок...

Не понимаю: она перестала дышать, а я ничего не почувствовал.

Ничего.

И все — действительно ВСЕ — рухнуло.

Мама, ты умерла сегодня утром и впервые в жизни причинила мне боль.

Ты одаривала меня только нежностью, вниманием, уважением и поддержкой. Я унаследовал от тебя страсть к жизни, жажду восторга, желание действовать. У меня нет ни одного плохого воспоминания, остались лишь тепло, свет, радость. Не было случая, чтобы ты забыла улыбнуться, не услышала меня, рассердилась так сильно, что не смогла этого скрыть. Ты никогда меня не разочаровывала. Твоя любовь была великодушной и нерушимой.

Неужели все это исчезнет? Неужто Смерть-обманщица сумела нанести удар исподтишка чемпионке в спринте, легкоатлетке с крепким телом, чью силу пощадило даже время?

Мама умерла...

Я пишу эти слова, желая убедить себя в реальности случившегося, не поддаваясь искушению списать печаль на кошмар.

Женщина выносила меня, родила, растила, сделала счастливым зрелым мужчиной, а убедившись, что я научился быть самостоятельным, сопровождала по жизни на расстоянии. Я отдаю себе отчет в том, что внутри так называемого взрослого всегда жил маленький мальчик, считавший свою мать могущественной красавицей, целительницей, способной победить даже Безносую. «Моя мама? Да она убьет Смерть!»

Сегодня этот мальчик умер.

Вместе с ней.

Был обычный день, но все изменилось.

Так случается сплошь и рядом: нам сообщают о смерти или рождении и реальность меняется навсегда.

Я в поезде, еду в Лион, где меня ждут родные по крови люди.

Внезапный звонок телефона... Я всегда ненавидел это промышленное, технологическое, пластмассовое лицо судьбы.

Вчера утро источало аромат весны — живой, сильный, густой, вибрирующий предвестник обновления. Три пса резвились в саду, залитом шафрановым светом солнца. Оно согревало бледную лужайку, подбадривало робкую сирень и обещало один из тех дней, когда обострится жажда жизни и к вечеру мы чувствуем себя оглушенными силой собственных чувств. Я предвкушал долгие счастливые часы работы за письменным столом.

Я принял душ, проверил телефон и обнаружил несколько пропущенных звонков. У меня более чем прохладные отношения с этим «нарушителем покоя и личного пространства», так что я проигнорировал вызовы, открыл шкаф, достал одежду. На шум прибежали собаки, жаждущие поиграть, выхватили

у меня носки и помчались по коридорам и лестницам: если хозяин надевает на ноги эти странные тряпочки, значит он сейчас обуется и пойдет с ними на долгую лесную прогулку...

Я бросил взгляд на экран: Флоранс набирала меня четыре раза! Сестра разделяет мое отношение к телефону, и я сразу подумал о худшем.

Она ответила мгновенно, и я услышал тяжелое, затрудненное дыхание.

— Ты звонила, Флоранс?

Она плакала. Я спросил, тревожась все сильнее:

— В чем дело?

— ...

— Что происходит?

— Мамочка... — выговорила Фло между двумя всхлипами.

И я понял. У моих ног распахнулся люк в другой мир — холодный, угловатый, неудобный, враждебный, где мы с сестрой станем вечными пленниками. Грянуло известие, которого я боялся пятьдесят лет: мама умер-

ла. Так-то вот. Это случилось. Теперь. Сегодня. Кончено.

— Нет!

Я со стоном выдыхаю это слово, я не приемлю случившееся, хочу остановить маму, сходящую в бездну. «Нет!»

Дафна в панике — она еще очень молодая псина, ее пугает поведение хозяина. Я рыдаю, а она слизывает мои слезы, скулит, топчется вокруг меня, тычется мокрым носом в шею, твердо вознамерившись «починить человека». Я окончательно лишился сил и не отпихиваю Дафну, просто не могу себе этого позволить теперь, после смерти мамы, когда иссяк главный источник любви.

«Нет!»

И еще раз — «Нет!»

«Нет!» — и ничего больше. Дафна сопровождала меня до постели и, наплевав на строжайший запрет, легла поверх одеяла, как будто хотела сказать: «Я буду тебя лечить!» Дафна, маленькая и такая трогательная Дафна, смешная и великолепная.

Час спустя я выплакал первые слезы, обрел голос и позвонил близким. Брюно, Жизель, Ян, Майя – все очень быстро приехали, сменили Дафну на посту утешительницы и... так мало преуспели.

Да, я не одинок, но сумею ли двигаться вперед без мамы?

«Следующая остановка: вокзал Шесси, Марна-ла-Валле».

12

Я сижу в кресле скрючившись, сжавшись в комок, смотрю на проносящийся мимо пейзаж и плачу. Мысли о маме вызывают потоки слез, они текут из-под затемненных стекол очков, и я вытираю лицо рукавом свитера.

Роскошная брюнетка в расцвете зрелой красоты подходит ко мне, молча смотрит несколько секунд, наклоняется и говорит:

– Мне очень нравятся ваши книги.

Женщина улыбается, как будто не замечает моего заплаканного лица.

– Я хотела непременно сказать вам это.

Очаровательная незнакомка исчезает. Она поняла? Все от начала до конца? Или ниче-

го? Я совершенно потрясен кроткой ласковостью проявленного внимания. Деликатностью эта женщина похожа на мою маму... Я неслышно шепчу ей в спину: «Спасибо», но она уже выходит из вагона.

Рыдания сотрясают грудь, и я пытаюсь сдерживать их, глядя через стекло на невидимую точку в небе. Проявление добрых чувств ранило меня, я почувствовал острую боль, какая бывает, когда случайно срываешь корку с незажившего ожога. Я ясно осознаю новую реальность: придется учиться жить дальше без мамы. Двигаться вперед, не рассказывая ей, кто какими словами похвалил меня. Получать подарки и не мчаться сломя голову, чтобы с детской гордостью показать их ей. Я больше не буду проживать жизнь «в пополам» с мамой.

Я чувствую себя оупевшим.

Мама всегда расширяла масштаб моего существования до поэтических размеров. Я проживал любое событие дважды: один раз — чтобы насладиться, второй — чтобы дать ей почувствовать мельчайшие детали и нюансы.

Я рассказывал, приукрашивая и возвышая, привирал, карауля мамину реакцию, и наслаждался ее хохотом. Делился, естественно, не всем — деликатность была непременной составляющей наших отношений, — но мама узнавала о моих встречах, чувствах, обидах, сожалениях и злобных сарказмах в пересказе. Пятьдесят лет у меня было два параллельных существования — реальное и повествовательное.

 14

Теперь осталось одно — мое собственное. Прощай, «жизнь на двоих». Прощай, «жизнь, сотканная из слов».

По этой ли причине дневник со вчерашнего дня стал так важен для меня? Неужели он заменил *слово*? Слова, обращенные к матери...

«Следующая остановка: вокзал Креза-TGV»¹.

Я беру себя в руки. Довольно слез! И откуда они только берутся в таком количестве?

¹ TGV — французская сеть скоростных электропоездов. Первая линия была открыта в 1981 г. между Парижем и Лионом.

Мама уж точно не захотела бы видеть меня печальным и разваливающимся на части. Скажу больше: она почувствовала бы себя оскорбленной, решив, что оказалась несостоятельной на ниве воспитания.

Нельзя ее разочаровывать.

«Следующая остановка: Лионский вокзал Пар-Дье».

Я выхожу на перрон в моем родном городе Лионе, смотрю на часы и вижу дату: 28 марта.

Здесь, ровно пятьдесят семь лет назад, мама произвела меня на свет, а теперь я приехал, чтобы проводить ее до последнего пристанища.

Начался мой первый «сиротский» день.

Я теперь ничейный сын.

Час ночи. Никак не удастся заснуть. Я согласился переночевать у Флоранс — мне сейчас хочется быть рядом со старшей сестрой, которую я любовно называю деткой. Интересно, они с Аленом тоже мучаются бессон-

ницей в соседней спальне? А мои племяшки Стефан и Тибо?

Займусь-ка я дневником, все лучше, чем ворочаться в постели, как сорвавшийся с привязи груз на палубе корабля, попавшего в шторм. Сажусь за узкий стол и начинаю перечитывать записи...

Дорога совершенно меня вымотала: Лион без мамы — не Лион. Таксист вез меня по улицам, не ведущим к ней, я взбирался на холм¹, где она больше не живет, смотрел на фасады домов, мимо которых она никогда не будет гулять, а совсем скоро позвоню в домофон — и не услышу ее веселый голос, подойду к квартире — и не увижу ее на пороге, с увлажненными глазами, облегченно вздыхающую: «Ну слава богу, добрался!»

Без мамы город вдруг показался мне пустым, нелепым, разрушенным. Его лишили головы...

Было так больно, что меня осенило: мама навечно покорила Лион, для меня город оли-

¹ Имеется в виду Фурвьер — холм, возвышающийся с запада над центром Лиона. Так же называется центральный квартал, расположенный на этом холме.

цветворяла она, а не Дева Мария Фурвьерской базилики. Из своей величественной дозорной башни в Сент-Фуа-ле-Лион мама управляла кварталами, оранжево-розовыми крышами, колокольнями, куполами, извивами рек, ходом медлительных барж, дымящимися трубами, угрюмыми промышленными объектами. Она навязывала городу свою гармонию: речка сливается с рекой, как рука касается руки, два холма улыбаются друг другу, защищая сердце Лиона. Скажу больше — она раскрасила город в цвета, которые предпочитала в одежде: черепичный бледно-розовый, фасадный охристый, каменный жемчужно-серый, водно-металлический, небесно-лазурный. Мама обожала путешествия, увлекалась археологией и историей, возила меня в Грецию и в Италию, была неутомима в походах через время и пространство, требовала, чтобы город предъявлял миру все эпохи: Галлию, Средневековье, Возрождение, классицизм, буржуазный девятнадцатый век, современность из стекла и бетона. Мама вдохнула в древнюю столицу галлов свою мудрость, слепленную из умеренности, скромности и безропотности

женщины в возрасте, которая без истерик смирилась с пенсией и приглушала трагизм заката, наслаждаясь сиюминутными радостями.

Проезд по улицам и набережным подарил мне озарение: не мама уроженка Лиона — город происходит от мамы.

Лион, мой родной город? Лион, мой материнский город...

Могучее светло-желтое солнце раздавило вторник. Дивная погода приняла в свои объятия ужасный день.

В фильмах и романах пышная природа звучит в унисон с героями: французские кинорежиссеры не мыслят расставания без дождя, все агонии в романах случаются в бурю. В прошлом я рвал отношения под безоблачными небесами, а сегодня, в день маминой смерти, весна сияет всеми красками радуги. Космос равнодушен к моей тоске, и меня это скорее успокаивает, лишает значимости, доказывает, что душевное состояние одной человеческой особи в океане Вселенной весит меньше самой маленькой капли.

Встреча с сестрой помогла мне успокоиться: и речи быть не может о том, чтобы хныкать на груди друг у друга. Незримо присутствующая мама запрещает разнюниваться, призывает к сдержанности. Мы с Флоранс не раз уединялись в соседней комнате или на балконе, чтобы пролить тайные слезы...

В обычаях и ритуалах — даже административных — есть хорошая сторона. Подобрать все необходимые бумаги, заполнить бланки, заказать отпевание, назначить день похорон, составить текст сообщения, разослать объявления в газеты, обзвонить родных и друзей... На все эти дела требуется энергия, которую в противном случае мы потратили бы, горюя об усопшем.

Предусмотрительная мама облегчила нам задачу — подписала договор на организацию церемонии с похоронным бюро.

Контора, выстроенная из клееной фанеры и стекла, стояла в глубине парковки и напоминала скорее почту или отделение банка. Чистенькая, новенькая, небольшая, с веселыми пастельно-розовыми стенами и яблочно-

зелеными креслами для посетителей, цветовым решением она напоминала ясли или детский сад. Как ни странно, это утешало и ободряло, а вовсе не раздражало и не казалось оскорбительным.

Нас приняла молодая женщина в элегантном черном платье, умело покрашенная, с идеальным маникюром. Прежде чем пригласить нас в кабинет, она легким кивком указала на высоченного парня лет двадцати, тот робко поклонился и был представлен как стажер.

— Вы позволите молодому человеку присутствовать при нашей беседе?

— Мне бы этого не хотелось, — не раздумывая отрезал я.

Флоранс посмотрела на меня, явно недовольная этим «единоличным» решением. Я дернул плечом: «У нас с тобой не стажировка, мы в трауре по маме, такое бывает раз в жизни...»

Дама понимающе кивнула, и мы уединились в кабинете. На полках стеллажей стояли таблички с образцами траурных уведомлений, которые немедленно повергли меня в уныние: глупые выпренные формулировки мог-

ли разве что вызвать раздражение у горящего человека. Я тут же разозлился на себя: перебирая слова и полируя формулировку, маму не вернешь!

Много лет назад она заполнила целый пакет документов, где оговорила все пожелания насчет своих похорон. Занимающаяся нами дама вдруг покачала головой, обнаружив какое-то упущение в договоре.

— Ах, какая досада — ваша мать не упомянула услуги *танатофрактика*.

— Чьи услуги?

— Специалиста, который занимается сохранением тела, готовит его для положения во гроб. Меня это удивляет — судя по всему, ваша матушка была весьма кокетливой дамой. Я добавлю пункт «грим», согласны?

Я тяжело сглотнул. Сестра погладила меня по руке, давая понять, что заранее согласна с моим решением.

— Мама ничего не упустила, мадемуазель. Она терпеть не могла обычай «раскрашивать» покойников. Вы назвали ее кокеткой, но она была еще и феминисткой и не хотела, чтобы ее «выставляли напоказ».

Женщина задумчиво откашлялась и тихо спросила:

— Итак?

— Итак, мы не станем нарушать ее волю.

— Но вы ведь захотите...

— Нет.

— Возможно, ее братья или сестры...

— Никто не пойдет против маминой воли.

Она всегда сама обставляла свои появления на публике, пусть и уход будет именно таким, как ей виделось.

Я вспомнил, в какое бешенство приходила наша мать, когда ее пытались подвести к гробу на похоронах кого-нибудь из знакомых. При виде мертвого тела обожаемого мужа она пришла в ужас и накричала на нас с Фло: «Ну что вы застыли?! Не видите, что папы тут нет? Что он ушел? Здесь никого нет, никого, никого!»

Служащая смирилась и предложила перейти к выбору гроба.

Я хотел было крикнуть: «Самый красивый!» — но сдержался. Мама нашла бы меня смешным, Флоранс не откажет себе в удовольствии поиздеваться.